

Массируя поясницу Вэй Тинсюй, Чжэнь Вэньцзюнь не могла произнести ни слова. Вэй Тинсюй молчала, делая и без того тихую палатку еще более невыносимой для Чжэнь Вэньцзюнь.

Чжэнь Вэньцзюнь продолжала неустанно массировать, а Вэй Тинсюй лежала ничком на мягком ложе, не издавая ни звука. Однако она знала, что Вэй Тинсюй определённо не спит.

Её характер уже нельзя было назвать просто переменчивым. Душа её была глубже океана: в один миг тебе кажется, что ты стал её доверенным лицом, а в следующий не удивишься, если тебя выставят вон и казнят ужасной смертью.

Так что о всяких там нежных расставаниях лучше было и не помышлять.

Спустя примерно время, за которое догорают две палочки благовоний, Вэй Тинсюй наконец заговорила:

- Сестрица, ты, должно быть, устала. Иди отдохни.

Чжэнь Вэньцзюнь отозвалась, подхватила одеяло и уже собралась уходить, когда Вэй Тинсюй окликнула её:

- Сестрица, ты куда это собралась?

- Никуда, я лягу прямо здесь, - ответила Чжэнь Вэньцзюнь, указывая на место, где она стояла.

- Как ты можешь спать на земле в этот ранний весенний холод? Разве ты не боишься, что твоя душа улетит, а дух развеется?¹ Иди сюда, ложись вместе со мной.

¹«Твоя душа улетит, а дух развеется» - идиоматическое выражение, означающее смерть или гибель.

Чжэнь Вэньцзюнь ответила «о» в знак согласия, вернулась, бросила одеяло рядом с Вэй Тинсюй, а затем, не церемонясь, залезла под него, потушив масляную лампу.

У Сяохуа действительно умелые руки. Постельное белье было мягким и теплым, отчего её тело чувствовало себя комфортно. Чжэнь Вэньцзюнь потеряла нос, замерзший от холода, и подумала, что Вэй Тинсюй действительно умеет наслаждаться жизнью. Пряталась ли она в таком уютном месте каждую ночь во время тех холодных зимних ночей?

Размышляя о том, как Сяохуа устроила мягкое ложе, она вдруг почувствовала, как горячее тело прижалось к ней.

Чжэнь Вэньцзюнь замерла на мгновение. В темноте тыльная сторона её кисти коснулась чего-то мягкого и нежного. Набравшись смелости, она намеренно пошевелила запястьем, пальцы скользнули по коже, словно по безупречному теплему нефриту. Из-под одеяла донесся аромат её тела, от которого сердце Чжэнь Вэньцзюнь неистово забилося.

Неужели Вэй Тинсюй была только в синьи?²

²Нижняя рубашка (亵衣, xīn yī) - древний китайский аналог бюстгалтера или топа, закрывающий грудь и спину, с завязками.

Это белье прикрывает лишь грудь, а две тонкие завязки опоясывают тело и завязываются на спине и на пояснице, самая что ни на есть интимная часть одежды. Обычно, когда она спала вместе с Линби, та тоже любила оставаться в одной только синьи, но ведь они спали под

разными одеялами и не касались друг друга. Но сейчас она и Вэй Тинсюй были под одним одеялом, и Вэй Тинсюй была так безразлична к скромности.

- Что с тобой, сестра? - спросила Чжэнь Вэньцзюнь, глядя в темный свод повозки. Перед её глазами то и дело всплывали приемы из «Девяти методов Сокровенной девы», которым её обучала Юэ-ши А-Цзяо.

- Холодно.

Услышав это слабое, томное «холодно» Чжэнь Вэньцзюнь почувствовала, как тепло разлилось по её сердцу. Она перевернулась, чтобы посмотреть на неё. Край гладкого узкого плеча Вэй Тинсюй выбился из-под одеяла, и луч лунного света случайно проник через маленькое вентиляционное окно, отбрасывая бледно-голубое свечение от её плеча до глаз. Вэй Тинсюй тоже посмотрела на неё, и её глаза ярко сияли в темноте, такие глубокие и ослепительные, словно в них была скрыта целая вселенная.

Чжэнь Вэньцзюнь приподнялась и придвинулась ближе.

Губы Вэй Тинсюй слегка приоткрылись, её дыхание было таким же слабым, как аромат орхидеи.

Чжэнь Вэньцзюнь подняла руку, поправила одеяло и накрыла плечо Вэй Тинсюй, затем мягко притянула её к себе в объятия через одеяло.

- Так теплее? - спросила Чжэнь Вэньцзюнь.

Когда Вэй Тинсюй заговорила снова, в её голосе уже не было никаких эмоций, она лишь безучастно уронила: «Угу».

Подбородок Чжэнь Вэньцзюнь коснулся шеи Вэй Тинсюй. Она тайно усмехнулась и отпустила её. Отстраняясь, она словно невзначай задела мочкой уха её висок и, более не задерживаясь ни на миг, снова улеглась поудобнее.

Тихая битва льда и пламени в эту знойную ночь была окончена.

Хотя они были под одним одеялом, они больше не касались друг друга.

Дыхание Чжэнь Вэньцзюнь было ровным, казалось, она спала.

Вэй Тинсюй перевернулась, нащупала в углу под одеялом свою синьи и потихоньку надела её. Когда ткань снова прикрыла её обнаженное тело, она закрыла полные скрытого гнева глаза, стараясь наконец уснуть.

На следующее утро, как только Вэй Тинсюй проснулась, она тихо позвала Сяохуа, и у двери немедленно кто-то отозвался. Оказалось, что Сяохуа всю ночь простояла на страже снаружи палатки. Стоило положу приоткрыться, как вошла Линби с горячей водой вслед за Сяохуа, чтобы помочь Вэй Тинсюй умыться и одеться

Чжэнь Вэньцзюнь естественным образом протянула руку, чтобы взять верхнюю одежду, которую держала Сяохуа, слегка встряхнула её и накинула на плечи Вэй Тинсюй. С явным чувством утраты она сказала:

- Я только-только сблизилась с сестрицей, а уже через несколько дней должна уехать. Хотя на

душе тяжело, я не откажусь даже от десяти тысяч смертей, чтобы облегчить бремя сестрицы. Моя единственная забота сейчас это то, что за тобой некому будет присматривать. Что касается боли в спине, у меня есть народное средство, которое может немного помочь. Сестрица могла бы попробовать его. Каждый вечер перед сном оберни потухшие угли огнеупорной тканью и прикладывай к пояснице, чтобы согреть её: это разгоняет кровь, оживляет каналы и облегчает ломоту. Если бы я не боялась, что моя неопытность может задержать эту миссию, я бы оставила Линби позаботиться о тебе.

После того как Чжэнь Вэньцзюнь помогла ей одеться и завязать пояс, прохладные подушечки пальцев Вэй Тинсюй коснулись щеки Чжэнь Вэньцзюнь.

- Я уже давно привыкла к этой боли в спине за эти годы, и, кроме того, здесь Сяохуа и господин Сюй с ученицей. Тебе не нужно беспокоиться, сестрица. Однако, что касается пятидесяти тысяч телег зерна для этого путешествия, есть ли у тебя какие-либо идеи о том, как их собрать?

Все знали, что в пределах Великой Юй больше не осталось зерна для сбора. Если что и было, то это были редкие частные запасы, хранящиеся в знатных семьях. Во времена войн и голода зерно ценилось дороже золота и серебра. Нельзя было и помыслить о том, что эти семьи захотят расстаться с ним. Если в мире и была земля, не тронутая бедствиями войны и голода, то это была, вероятно, только земля клана Гуцян на юго-востоке Великой Юй - Суду.

Суду был именно тем местом, откуда была родом Сяохуа. Там часто идут дожди, буйствует растительность и встречаются дикие виды животных, а бескрайние плодородные поля всегда радуют обильным урожаем. Знания Чжэнь Вэньцзюнь об этом были не благодаря учению матери, а скорее из сплетен и слухов, которыми Линби делилась с ней ночью во время их путешествия. Среди этих историй было упоминание о клане Ван в Суду. Много лет назад, когда клан Гуцян потерпел поражение в битве, их вождь пришел в Великую Юй, чтобы вручить письмо о капитуляции, присягая на верность Великой Юй.

В то время Великая Юй не придавала этой крошечной земле большого значения, поэтому они оставили там небольшой гарнизон, в то время как некоторые боковые ветви знатных семей из уезда Нанья Великой Юй перебрались туда, привлеченные плодородной землей и обильными ресурсами Суду, включая ветвь клана Ван из Нанья. Ветвь клана Ван процветала в Суду, занимая тысячи му³ плодородной земли, и в этом году они даже отправили десять тысяч телег зерна своей главной ветви семьи.

³1 му = 0,0667 га или 667 м²

Слухи и сплетни, упомянутые Линби, тогда казались незначительными, но теперь, поразмыслив, они были чрезвычайно ясными подсказками. Могло ли это тоже быть намерением Вэй Тинсюй? Сделано специально, чтобы сегодня, когда на плечи Чжэнь Вэньцзюнь лег непосильный груз в пятьдесят тысяч телег зерна, ей было где их искать?

Однако... клан Ван не был союзником фракции семьи Вэй. Как бы ни была могущественна семья Вэй в Великой Юй, могли ли они действительно влиять на Суду?

Вэй Тинсюй лишь указала ей направление, а вот как добиться успеха ей придется придумывать самой

С этими мыслями Чжэнь Вэньцзюнь сказала:

- У меня есть план, сестрица. Пожалуйста, терпеливо жди хороших новостей.

Вэй Тинсюй кивнула:

- Я верю, что ты меня не разочаруешь. Но если возникнут трудности, не забудь использовать жетон семьи Вэй.

На лице Чжэнь Вэньцзюнь читалось любопытство, и она уже собиралась сказать что-нибудь лестное, когда Вэй Тинсюй многозначительно улыбнулась:

- Если ты не сможешь собрать пятьдесят тысяч телег зерна, ничего страшного. Я уже придумала, как тебя наказать.

Чжэнь Вэньцзюнь: - ...

- Ладно, пора отправляться. Линби уже упаковала твои вещи. Чем скорее ты уйдешь, тем скорее вернешься. Я буду ждать, чтобы встретить тебя ветром и смыть пыль⁴, сестра.

⁴«Встретить ветром и смыть пыль» - традиционная китайская фраза для приветствия путника после долгого путешествия.

Скорее уж ты приготовилась смотреть, как я опозорюсь, - подумала про себя Чжэнь Вэньцзюнь. Поскольку Вэй Тинсюй решила, что она не сможет выполнить задание, это означало, что эта поездка в Суду определенно будет полна трудностей и препятствий.

Тем не менее то, что ей не нужно ехать в Суйчуань, заставило Чжэнь Вэньцзюнь облегченно вздохнуть. Она даже приготовила маску, чтобы скрыть лицо, но теперь та ей не понадобится, и это была добрая весть.

Когда повозка была готова, Чжэнь Вэньцзюнь вместе с тремя спутниками, кучером и Линби снова отправилась в путь на юг.

После почти полумесяца непрерывного путешествия они наконец добрались до окраины Нанья. Чжэнь Вэньцзюнь очень нервничала: при такой скорости у неё почти не оставалось времени на сбор зерна, одна только дорога туда и обратно съедала больше месяца. Въехав в округ Нанья, они наспех перекусили, накормили коней и, передохнув всего полчаса, двинулись дальше к Суду.

Они так спешили по пути, что почти не было времени на отдых и поиски ночлега. Без Сяохуа никто не готовил для них изысканные блюда и изысканные вина. Они могли только грызть паровые булочки, твердые, как мешковина, и вяленое мясо, жесткое, как кора деревьев, чтобы хоть как-то перебиться.

Линби от таких лишений сильно осунулась, а её лицо потемнело от ветра и пыли. К тому же Чжэнь Вэньцзюнь целыми днями изводила её, заставляя обучать боевым искусствам. Даже ночью, когда они разбивали лагерь и ставили палатки, ей не давали покоя. Чжэнь Вэньцзюнь тянула её за собой, расспрашивая о приемах и техниках владения мечом. Часто случалось так: Чжэнь Вэньцзюнь, обливаясь потом, усердно тренируется, а когда в замешательстве оборачивается, чтобы спросить совета, Линби уже давно унес Чжоу-гун в царство снов⁵.

⁵идиома, означающая «провалиться в сон», отсылка к легендарному гуну Чжоу, который, как считалось, мог толковать сны.

Предъявив проездные грамоты и покинув пределы Великой Юй, ровная дорога исчезла вдалеке, повозка потащилась по узким и извилистым горным тропам.

Слева были возвышающиеся, опасные пики, а справа отвесный обрыв. Густой туман висел в горах, ограничивая видимость всего десятью шагами вперед на узкой тропе. Опытный кучер крепко держал поводья, осторожно контролируя скорость и направление лошадей. Копыта стучали по влажным, скользким каменным ступеням, которые едва позволяли проехать одной повозке. Иногда копыто соскальзывало, заставляя присутствующих в повозке обливаться холодным потом.

Они тащились по горной дороге добрых три часа и к полудню наконец взобрались на самую вершину. В этот момент густой туман рассеялся, и с вершины открылся вид на чередующиеся желтые и зеленые террасные поля внизу. Вдалеке стаи диких гусей направлялись на север. Чжэнь Вэньцзюнь вышла из повозки и встала у самого края обрыва. Ветер трепал её одежды, превращая туман в белые пенящиеся волны. Сердце её наполнилось восторгом, но в то же время пришла тоска по родному дому, оставшемуся за тысячи ли отсюда.

Матушка, сейчас я на чужой земле, и мне так хочется разделить с тобой эту красоту, но я даже не знаю, где ты сейчас. С тех пор как нас заставили покинуть уезд Цисянь, пролетело три года, и мне всё так же нужно идти вперед, закаляя свой дух.

Спуск с горы был всё так же труден, но туман уже рассеялся, и дорога стала отчетливо видна. Кучер начал активнее щелкать кнутом, и лошади наконец смогли прибавить ходу.

Спустя час они уже спустились к подножию и выехали на длинную межу среди полей.

По обе стороны гребня простирались обширные рисовые поля. Крестьяне, закутанные в желтые тюрбаны, с голыми торсами и в узких штанах, усердно возделывали землю. Вид такой яркой жизни и экзотических пейзажей, которых Чжэнь Вэньцзюнь не видела уже давно, заставил её с любопытством оглядываться по сторонам. Она заметила молодую жену крестьянина, которая выпрямилась, чтобы вытереть пот. Хотя её лицо было покрасневшим от многолетнего пребывания на солнце, её черты все еще были красивы, а фигура изящна. Чжэнь Вэньцзюнь про себя отметила, что Линби не врала: женщины племени Гуцян и впрямь красавицы. Если обычная крестьянка обладает такой статью, интересно, была ли Сяохуа в прошлом похожа на неё?

Перейдя через гребень, они вошли в деревню. Дома в этой деревне были построены низко вдоль единственной длинной дороги, у каждой семьи были свои птичьи загоны и зернохранилища. Чжэнь Вэньцзюнь внимательно наблюдала; кур и уток было много, а крупный рогатый скот и овцы были упитанными. Даже самые важные и частные зернохранилища Великой Юй были открыты настежь, без намека на укрывательство.

Чжэнь Вэньцзюнь обрадовалась: в этих краях и впрямь было чем поживиться.

Миновав три небольшие деревни, они добрались до цели своего путешествия - Тацзяна, крупнейшего города на границе Суду. Клан Ван, который они искали, обосновался именно здесь.

Однако когда они попытались въехать в Тацзян и предъявили проездные грамоты Великой Юй, стражники у ворот не только отказались их пропускать, но и вознамерились под конвоем отправить в местную управу.

Линби выступила вперед и сказала им несколько фраз на языке племени Гуцян, что помогло немного охладить их пыл и потянуть время

Линби сказала:

- Великая Юй долгое время воевала с Суду, и как двор, так и простые люди здесь питают враждебность к Великой Юй. Они не признают твои проездные грамоты.

- Что ты им сказала?

- Я сказала, что я потомок Суду. Кажется, они не намерены связывать нас, но я полагаю, что они не впустят нас в город так легко.

- Откуда ты знаешь язык Гуцян?

- Конечно же, Сяохуа научила меня. Я больше всего люблю изучать эти языки ху.

- И что нам теперь делать? Сестрица Линби, ты сможешь их убедить?

Линби подумала мгновение и сказала:

- А как насчет жетона, который сестра дала тебе?

Чжэнь Вэньцзюнь передала ей жетон. Линби взяла жетон, шагнула вперед и сказала несколько предложений солдатам, и, как ни странно, они действительно открыли ворота и пропустили их.

Чжэнь Вэньцзюнь не могла поверить:

- Неужели семья сестры действительно настолько впечатляет? Документы из двора Великой Юй бесполезны, а жетон семьи Вэй действительно может нас пропустить?

Линби забралась в повозку, её улыбка была какой-то натянутой:

- Быстрее заходи. Нам нужно поторопиться.

Въехав в город, они направились напрямиком к поместью Ван. Кучер уже бывал в Тацзяне раньше, а клан Ван был настолько знаменит в этих краях, что найти их дом не составило труда. По пути к поместью Чжэнь Вэньцзюнь заметила денежную лавку клана Чжансунь. Над лавкой висела вывеска с надписью «Цянькунь». Как рассказывала А-Ляо, каллиграфия на вывесках всех их лавок принадлежала ей самой, достаточно было узнать её почерк, чтобы понять: здесь можно обменять вексели на серебро.

Найдя место, где можно обменять серебро, Чжэнь Вэньцзюнь со спокойной душой отправилась в поместье Ван закупать зерно. Стоило ей предъявить векселя на двести тысяч таэлей, как глава клана Ван лично вышел их встречать.

Глава семьи Ван представился как Ван Цзинь. Это был старик за пятьдесят, не выше Чжэнь Вэньцзюнь, с круглым лицом и густой бородой. Его высокий лоб был особенно заметен, он улыбался всем, напоминая божество долголетия Шоу-сина с новогодних картин.

Чжэнь Вэньцзюнь вкратце изложила цель визита: купить пятьдесят тысяч телег зерна за двести тысяч таэлей серебра. Ван Цзинь согласился на месте и повел её осматривать зернохранилище. У Ван Цзиня было более дюжины зернохранилищ, напоминавших крепости. Он попросил Чжэнь Вэньцзюнь сначала внести половину задатка, и через три дня он пришлет кого-нибудь, чтобы доставить все пятьдесят тысяч телег в указанное ею место. Если доставка должна была производиться за пределы Суду, взималось дополнительно пятьсот таэлей за транспортные расходы.

- Не нужно, просто подготовьте зерно, я заберу его сама, - сказала Чжэнь Вэньцзюнь, сохраняя

осторожность. Если погрузить пятьдесят тысяч телег зерна на большие военные повозки, предназначенные для перевозки армейского провианта, то всё это можно уместить примерно в две тысячи повозок.

Заходя внутрь, она заметила, что возле зернохранилищ Ван Цзиня стоит множество таких больших телег, он годами занимался поставками продовольствия и наверняка держал их в избытке. Было бы идеально доставить груз прямо в руки сестрице, однако, хоть Ван Цзинь и не был холоден, в его речах сквозило явное пренебрежение. Скорее всего, он видел в ней лишь молодую неопытную девчонку и не воспринимал всерьез. Чжэнь Вэньцзюнь опасалась, что если она не будет лично следить за погрузкой, он может не сдержать слово. Несмотря на лишние хлопоты, она предпочла заняться транспортировкой сама.

Она внесла задаток и передала дополнительные пятьсот таэлей, попросив займы большие телеги и рабочую силу семьи Ван, пообещав вернуться через три дня, чтобы забрать зерно.

В назначенный день все две тысячи телег с зерном были загружены. Осмотрев всё, Чжэнь Вэньцзюнь заплатила оставшееся серебро и попросила Линби сообщить посыльному, чтобы тот сказал Вэй Тинсюй, что она выполнила задание, и попросила сестру сообщить ей, куда следует доставить зерно.

Для стоянки двух тысяч телег требовалась большая площадь, поэтому Чжэнь Вэньцзюнь повела их на открытое поле, ожидая возвращения посыльного.

Пока Линби и Чжэнь Вэньцзюнь сидели у костра и варили суп, Чжэнь Вэньцзюнь тыкала веткой в сухие дрова, чувствуя, что что-то не так, всё шло слишком гладко, и это казалось неправильным.

Если бы это было так просто, зачем бы Вэй Тинсюй заставляла её приезжать лично? С престижем семьи Вэй в Суду она могла бы легко заставить Ван Цзиня доставить зерно прямо ей, не так ли?

Чем больше Чжэнь Вэньцзюнь думала об этом, тем больше тревожилась. Она крепко сжала кинжал, который забрала у госпожи Хунье, и побежала к телегам.

- Что ты делаешь? - воскликнула Линби, испуганная внезапным появлением кинжала. Она последовала за ней и увидела, что Чжэнь Вэньцзюнь использует кинжал, чтобы разрезать мешки с зерном один за другим, высыпая содержимое повсюду и осматривая его.

- Что случилось? Что не так?

Чжэнь Вэньцзюнь не стала тратить время на препирательства. Она проверила уже больше двадцати телег, и с ними всё было в порядке. Она снова взобралась на другую телегу, скинула верхний слой мешков на землю, вытянула один из тех, что лежали глубоко внутри, и вспорола его. В нос тут же ударил резкий, густой запах плесени.

Как и ожидалось.

Помимо внешнего слоя, который был хорошим, всё зерно, зарытое внутри, было сильно влажным и заплесневелым, и совершенно несъедобным.

Чжэнь Вэньцзюнь поспешила обратно, чтобы найти Ван Цзиня той же ночью. Ван Цзинь, поглаживая теплое, блестящее кольцо на ладони, саркастически сказал:

- Юная барышня, ты и сама знаешь, какие нынче времена. Жалкие двести тысяч таэлей серебра стоят ровно пятьдесят тысяч телег плесневелого зерна. Сделка честнее некуда.

Сопровождающие были так разъярены, что хотели обнажить мечи, но Чжэнь Вэньцзюнь оттолкнула их.

- Господин Ван, путь ведения бизнеса основан на честности. Без честности, как можно стоять твердо? Я прошу господина Вана забрать заплесневелое зерно, и мы сможем снова обсудить цену.

- Снова обсуждать? А у тебя ещё остались деньги? - Ван Цзинь мерзко хихикнул. Он давно раскусил, что двести тысяч таэлей это всё, что было у Чжэнь Вэньцзюнь за душой. - К тому же, ты сама тогда проверила товар и подписала договор. Если мы сейчас не говорим о честности, то это ты хочешь отказаться, а не я.

У Чжэнь Вэньцзюнь на виске дернулась жилка. Она не проронила больше ни слова: лишь сухо сложила руки в прощальном жесте и решительно увела за собой Линби и спутников.

- И ты это стерпишь?! - вскипела Линби от ярости, едва они вышли за ворота.

- Конечно, нет. - как только они покинули поместье Ван, спокойствие на лице Чжэнь Вэньцзюнь сменилось ледяной решимостью. Она вскинула брови и бросила на дом яростный взгляд. - Старик Ван Цзинь коварный и скользкий тип, ведет себя как паршивая крыса, от него просто тошнит. Я не только заберу свои пятьдесят тысяч телег отборного зерна, но и заставлю его выплюнуть обратно все до последнего двести тысяч таэлей. Сегодня я проучу этого старика и покажу ему, что значит «потерять ладонь, пытаюсь спасти палец»⁶. Пошли!

⁶Скупой теряет в большом (□□□□): Буквально «жалеть палец и потерять ладонь».

<http://bllate.org/book/17227/1616967>